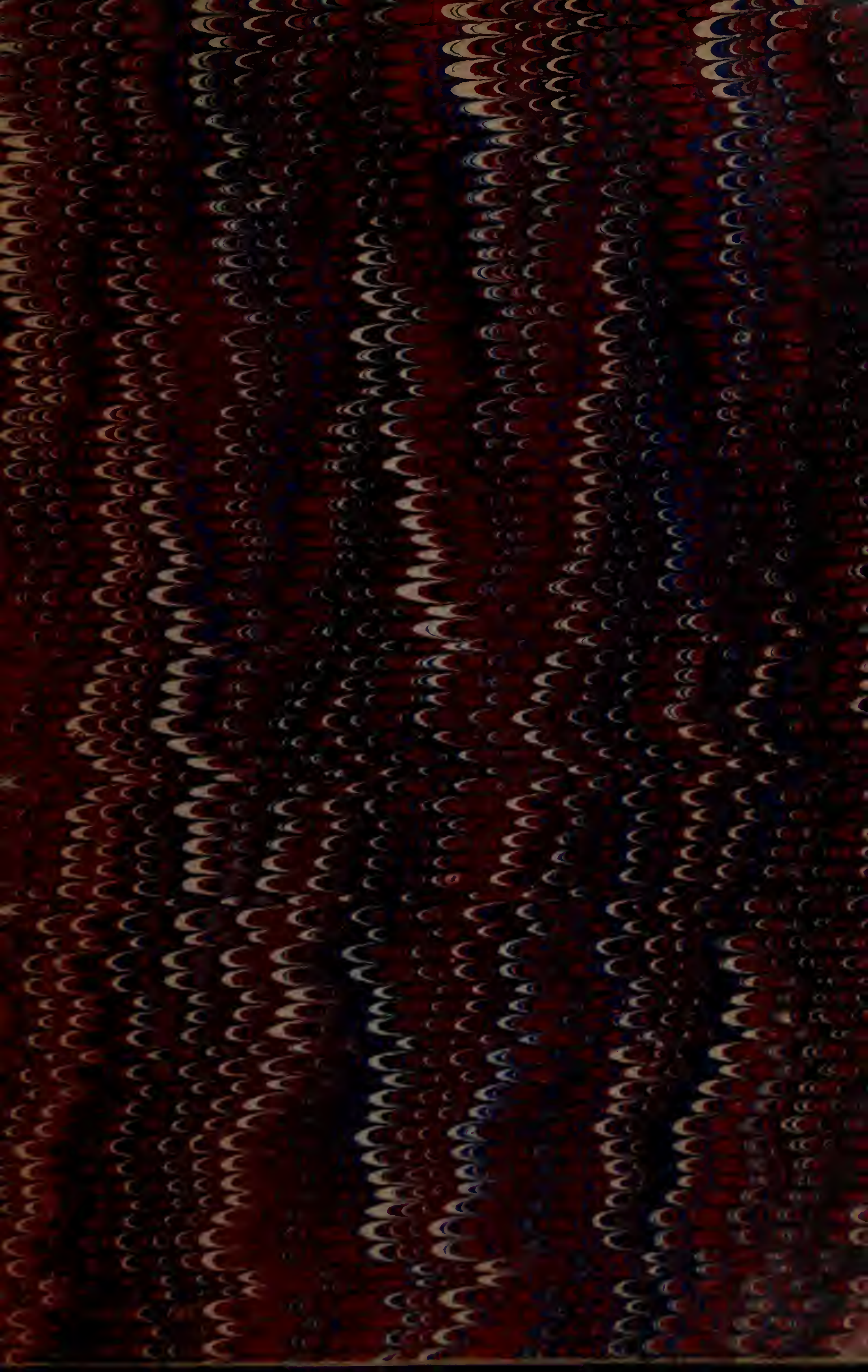

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. С. ХОМЯКОВА

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. С. ХОМЯКОВА.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. С. ХОМЯКОВА.

2-е ИЗДАНІЕ

(печатано съ 1 изданія 1861 года безъ перемѣнъ.)

МОСКВА.
Типографія А. И. Мамонтова, Большая Дмитровка, д. № 7.
1868.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Настоящее изданіе заключаетъ въ себѣ бо́льшую часть лирическихъ стихотвореній А. С. Хомякова, начиная съ 1826 года,—слѣдовательно обнимающихъ собою пространство времени около 34-хъ лѣтъ. Мы обращаемъ особенное вниманіе читателя на это обстоятельство, равно какъ и на цифры годовъ, выставленныя подъ стихотвореніями, расположенными, по возможности, въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ: съ помощью ихъ, читателю легко прослѣдить не только постепенную выработку внѣшней формы, но и внутренній строй и ходъ основной мысли, постепенно овладѣвающей содержаніемъ всей поэзіи нашего покойнаго мыслителя и поэта. Отъ внимательнаго читателя не укроется также и связь между событіями иного года и самыми стихотвореніями, въ томъ году написанными. Нѣкоторыя изъ нихъ печатаются въ въ первый разъ.

Родившись въ 1804 году, А. С. Хомяковъ началъ писать стихи еще въ самой ранней молодости: первыя его произведенія относятся къ 1820—21 годамъ. Имѣя интересъ преимущественно біографическій, равно какъ и немногія другія стихотворенія нѣсколько позднѣйшей эпохи, они всѣ войдутъ со временемъ въ одинъ изъ томовъ «Полнаго Собранія Сочиненій», въ которомъ будутъ также помѣщены и обѣ драммы покойнаго автора.

Скобки, въ которыхъ подъ иными стихотвореніями поставлены цифры годовъ, означаютъ, что время сочиненія съ точностію неизвѣстно и опредѣлено приблизительно, по соображенію или по времени появленія піесы въ печати.

1.

ЗАРЯ.

Въ воздушныхъ высотахъ, межь ночію и днемъ,
Тебя поставилъ Богъ, какъ вѣчную границу,
Тебя облекъ Онъ пурпурнымъ огнемъ,
Тебѣ Онъ далъ въ сопутницы денницу.

Когда ты въ небѣ голубомъ
Сіяешь, тихо догорая,
Я мыслю, на тебя взирая:
Заря, тебѣ подобны мы:
Смѣшенье пламени и хлада,
Смѣшеніе небесъ и ада,
Сліяніе лучей и тьмы.

(1826 г.)

II.

ВЪ АЛЬБОМЪ СЕСТРѢ.

Не грустью, нѣтъ, но нѣжной думой
Твои наполнены глаза,
И не печали слѣдъ угрюмой —
На нихъ жемчужная слеза.

Когда съ душою умиленной
Ты къ небу взоръ возводишь свой,
Не за себя мольбы смиренной
Ты тихо шепчешь звукъ святой;

Но свѣтлыми полна мечтами,
Паришь ты мыслью надъ звѣздами,
Огнемъ пылаешь неземнымъ,
И на печали, на желанья,

Глядишь какъ юный Серафимъ—
Безсмертный, полный состраданья,
Но чуждый бѣдствіямъ земнымъ.

(1862 г.)

III.

ЖЕЛАНІЕ.

Хотѣлъ бы я разлиться въ мірѣ,
Хотѣлъ бы съ солнцемъ въ небѣ течь,
Звѣздою, въ сумрачномъ эѳирѣ,
Ночной свѣтильникъ свой зажечь.

Хотѣлъ бы зыбію стеклянной
Играть въ бездонной глубинѣ,
Или лучомъ зари румяной
Скользить по плещущей волнѣ.

Хотѣлъ бы съ тучами скитаться,
Туманомъ виться вкругъ холмовъ,
Иль буйнымъ вѣтромъ разыграться
Въ сѣдыхъ изгибахъ облаковъ;

Жить ласточкой подъ небесами,
Къ цвѣтамъ ласкаться мотылькомъ,
Или надъ дикими скалами
Носиться дерзостнымъ орломъ.

Какъ сладко было бы въ природѣ —
То жизнь и радость разливать,
То въ громахъ, вихряхъ, непогодѣ
Пространство неба обтекать!

(1827 г.)

IV.

ПОЭТЪ.

Всѣ звѣзды въ новый путь стремились,
Разсѣявъ вѣковую мглу;
Всѣ звѣзды жизнью веселились
И пѣли Божію хвалу.
Одна, печально измѣряя
Никѣмъ незнанныя лѣта,—
Земля катилася нѣмая,
Небесъ веселыхъ сирота.
Она безъ пѣсенъ путь свершала,
Безъ пѣсенъ въ путь текла опять,
И на устахъ ея лежала
Молчанья строгаго печать.
Кто дастъ ей голосъ?... Лучъ небесный
На перси смертнаго упалъ,
И смертнаго покровъ тѣлесный
Жильца безсмертнаго пріялъ.

Онъ къ небу взоръ возвелъ спокойный,
И Богу гимнъ въ душѣ возникъ;
И далъ землѣ онъ голосъ стройный,
Творенью мертвому языкъ.

1827 г.)

V.

ОТЗЫВЪ ОДНОЙ ДАМѢ.

Когда Сивиллы слухъ смятенной
Глаголы Фебовы внималъ,
И передъ дѣвой изступленной
Призра̀къ грядущаго мелькалъ,—
Чело сіяло вдохновеньемъ,
Глаза сверкали, гласъ гремѣлъ,
И въ прахѣ, съ трепетнымъ волненьемъ,
Предъ ней народъ благоговѣлъ.
Но утихалъ восторгъ мгновенный,
Смолкала жрица—и блѣдна,
Передъ толпою изумленной,
На землю падала она.
Кто, видя впалыя ланиты
И взоръ безъ блеска и лучей,
Узналъ бы тайну силы скрытой
Въ пророчицѣ грядущихъ дней?

И ты не призывай поэта!
Въ волшебный кругъ свой не мани!
Когда, вдали отъ шума свѣта,
Душа восторгами согрѣта,
Тогда живетъ онъ. Въ эти дни
Вмѣщаетъ все существованье;
Но вскорѣ, слабъ и утомленъ
И вихремъ свѣта увлеченъ,
Забывъ высокія созданья,
То ловитъ темныя мечтанья,
То, какъ дитя, сквозь смутный сонъ,
Смѣется и лепечетъ онъ.

(1827 г.)

VI.

СОНЪ.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ
И что пѣвецъ—пречудное явленье,
И что въ пѣвцѣ на все свое творенье
Всевышній положилъ вѣнецъ.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ
И подъ перстомъ моимъ дышали струны,
И звуки ихъ гремѣли какъ перуны,
Стрѣлой вонзалися во глубину сердецъ.

И какъ въ степи глухой живыя воды,
Такъ пѣснь моя ласкала жадный слухъ;
Въ ней слышанъ былъ и тайный гласъ природы,
И смертнаго горѣ парящій духъ.

Но часъ насталъ. Меня во гробъ сокрыли,
Мои уста могильный хладъ сковалъ;
Но изъ могильной тьмы, изъ хладной пыли,
Гремѣла пѣснь и сладкій гласъ звучалъ.

Вѣка прошли, и племена другія
Покрыли край, гдѣ прахъ пѣвца лежалъ;
Но не замолкли струны золотыя
И сладкій гласъ попрежнему звучалъ.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ
И что пѣвецъ пречудное явленье,
И что въ пѣвцѣ на все свое творенье
Всевышній положилъ вѣнецъ.

(Базарджикъ, 3 іюля 1828 года.)

VII.

СОНЕТЪ.

Въ тѣни садовъ и стѣнъ Ески-сарая,
При блескѣ ламиъ и шумѣ водъ живыхъ,
Сидѣлъ султанъ, роскошно отдыхая,
Среди толпы красавицъ молодыхъ.

Онъ въ думахъ былъ. Главою помавая,
Шумѣлъ чинаръ; и вѣтеръ, свѣжъ и тихъ,
Межъ алыхъ розъ вздыхалъ благоухая;
И рогъ луны былъ въ сонмѣ звѣздъ ночныхъ.

«Чтобъ кисть писца на камняхъ начертала,
Что все пройдетъ!» воскликнулъ пади-шахъ....

Я зрѣлъ Сарай и надпись на стѣнахъ,
И вся душа невольно тосковала,
И снова грусть былое воскрешала,
И мысль моя носилась въ прежнихъ дняхъ.

1828 г.

VIII.

ПРОЩАНІЕ СЪ АДРІАНОПОЛЕМЪ.

Эдырне! *) Прощай, уже болѣе мнѣ
Не зрѣть Забалканскаго края,
Ни синихъ небесъ въ ихъ ночной тишинѣ,
Ни роскоши древней Сарая,
Ни тѣни густой полуденныхъ садовъ,
Ни васъ, кипарисы, любимцы гробовъ!

Эдырне! На стройныхъ мечетяхъ твоихъ
Орелъ возвышался двуглавый;
Онъ вновь улетаетъ,—но вѣчно на нихъ
Останутся отблески славы!
И Турокъ въ мечтахъ будетъ зрѣть предъ собой
Тѣнь крыльевъ Орла надъ померкшей Луной!

Адріанополь, 7 октября 1829 года.

---

*) Турецкое имя Адріанополя.

IX.

КЛИНОКЪ.

Не презирай клинка стальнаго
Въ обдѣлкѣ древности простой,
И пыль забвенья вѣковаго
Сотри заботливой рукой.
Мечи съ красивою оправой,
Въ златыхъ покояся ножнахъ,
Блистали тщетною забавой
На пышныхъ роскоши пирахъ;
А онъ, въ порывахъ бурь военныхъ,
По латамъ весело стучалъ
И на глазахъ иноплеменныхъ
Объ Руси память зарубалъ.
Но тяжкій мечъ, въ ножнахъ забытый
Рукой слабѣющихъ племенъ,
Давно лежитъ полу-сокрытый
Подъ ѣдкой ржавчиной временъ,
И ждетъ, чтобъ грянулъ голосъ брани,
Булата звонкаго призывъ,
Чтобъ вновь воскресъ въ могучей длани
Его губительный порывъ.

И тамъ, гдѣ мечъ съ златой оправой
Какъ хрупкій сломится хрусталь,
Глубоко врѣжетъ слѣдъ кровавый
Его синѣющая сталь.
Такъ не бросай клинка стальнаго
Въ обдѣлкѣ древности простой,
И пыль забвенья вѣковаго
Сотри заботливой рукой.

(1829 г.)

X.

ИЗЪ СААДИ.

(На кусокъ янтаря.)

Червь ядовитый скрывался въ землѣ;
Черныя думы таились во мглѣ.

Червь, изгибаяся, землю сквернилъ;
Грѣхъ ненавистный мнѣ душу тягчилъ.

Червь ядовитый облитъ янтаремъ:
Весело взоры почіютъ на немъ.

Къ небу подъемлю я очи съ мольбой,
Грѣхъ обливаю горячей слезой.

Въ сердце взгляну я: тамъ Божья печать,
Грѣхъ мой покрыла Творца благодать.

(1830 г.)

XI.

ДВА ЧАСА.

Есть часъ блаженства для поэта,
Когда мгновенною мечтой
Душа внезапно въ немъ согрѣта,
Какъ будто огненной струей:
Сверкаютъ слезы вдохновенья,
Чудесной силы грудь полна
И льются стройно пѣснопѣнья,
Какъ сладкозвучная волна.
Но есть поэту часъ страданья,
Когда возстанетъ въ тьмѣ ночной
Вся роскошь дивная созданья
Передъ задумчивой душой;
Когда въ груди его сберется
Міръ цѣлый образовъ и сновъ,
И новый міръ сей къ жизни рвется,
Стремится къ звукамъ, проситъ словъ.

Но звуковъ нѣтъ въ устахъ поэта,
Молчитъ окованный языкъ,
И лучъ божественнаго свѣта
Въ его видѣнья не проникъ.
Вотще онъ стонетъ изступленный,
Ему не внемлетъ Фебъ скупой,
И гибнетъ міръ новорожденный
Въ груди безсильной и нѣмой.

Стихотвор. Хомякова.

XII.

ПРОСЬБА.

О сжальтесь надо мной! о дайте волю мнѣ!
Изъ края дальняго волшебный зовъ несется,
И кровь моя кипитъ, и сердце бурно рвется
Въ тотъ дальній край, къ войнѣ, къ войнѣ!
Вы видите: стремятся ополченья,
И взоры ихъ блестятъ надеждою побѣдъ...
Туда, туда, въ кровавыя сраженья
Я полечу за ними въ слѣдъ.
Противна мнѣ дремота нѣги праздной,
И мирныхъ дней безжизненный покой,
Какъ путь въ степяхъ однообразный,
Какъ гробъ холодный и нѣмой.
Противно мнѣ безумное веселье,
Неупоенныхъ душъ притворное похмѣлье,
И скука вѣчная, и вѣчный переходъ
Младенческихъ забавъ и нищенскихъ заботъ!
О сжальтесь надо мной! Отдайте мечъ блестящій,
Отдайте бодраго и легкаго коня!
Въ тотъ край, куда летитъ мечты порывъ горящій,

Какъ вихрь, какъ мысль, онъ унесетъ меня!..
На мигъ одинъ судьбины злой оковы
Рукой я смѣлою расторгъ:
И сердцу памятны сраженій блескъ суровый,
И торжества воинственный восторгъ....
Въ часъ утренній зари, румяной и росистой,
Услышать пушки гласъ, зовущій насъ къ боямъ,—
Глядѣть, какъ солнца лучъ златистый,
Играя, блещетъ по штыкамъ;
Какъ вождь сѣдой, отваги юной полный,
На срѣтенье врагамъ ведетъ покорный строй,
И движутся полки, какъ бурь осеннихъ волны:
И чувствовать тогда, что вѣренъ мечъ стальной,
Что длань сильна, что вихремъ конь несется
Подъ свистомъ пуль, средь дыма и огня, —
Что сердце гордое въ груди спокойно бьется,
Что этотъ дольній міръ не дорогъ для меня, —
Что я могу, съ улыбкою презрѣнья,
На жизнь, на смерть и на судьбу взирать! .
О, эти сладкія мгновенья
Отдайте мнѣ, отдайте ихъ опять!
Я не хочу въ степи земной скитаться
Безъ воли и надеждъ, безвременный старикъ;
Какъ робкая жена, предъ рокомъ не привыкъ
Главой послушной преклоняться,
Внимать, какъ каждый день, и скученъ и смѣшонъ,

Все тѣ же сказки напѣваетъ,
И тихо душу погружаетъ
Въ какой-то слабоумный сонъ.
Я не рожденъ быть утлою ладьею,
Забытой въ пристани, не знающей морей,
И праздной истлѣвать кормою,
Добычей гнили и червей.
Но я хѳчу летать надъ бурными волнами
Могущимъ кораблемъ съ дружиной боевой;
Подъ солнцемъ тропика, межь сѣверными льдами,
Бороться съ бездною и съ дикою грозой;
Челомъ возвышеннымъ встрѣчать ударъ судьбины,
Бродить по области и смерти и чудесъ,
И жадно пить восторгъ, и изъ сѣдой пучины
Крыломъ поэзіи взноситься до небесъ!
О, вотъ онъ, вотъ удѣлъ, давно желанный мною!
Отдайте-жь мнѣ коня, булатъ отдайте мой!
Въ тотъ дальній край я полечу стрѣлою
И ринуся въ кровавый бой.
(1831 г.)

XIII.

ИЗОЛА БЕЛЛА.

Красавецъ островъ! предо мною
Восходишь гордо ты въ водахъ,
Поставленъ смертнаго рукою
На дикихъ, мраморныхъ скалахъ,
Роскошнымъ садомъ осѣнённый,
Облитый влагой голубой:
И мнится, изумрудъ зеленый
Обхваченъ чистой бирюзой.
Меня манитъ твой брегъ счастливый,
Онъ сладкихъ думъ, онъ нѣги полнъ...
Спѣши, спѣши, пловецъ лѣнивый!
Лети въ зыбяхъ, мой легкій челнъ!
Тамъ, межь вѣтвей полу-сокрыты,
Лимоны золотомъ горятъ;
Какъ дѣвъ полуденныхъ ланиты,
Блистаетъ пурпурный гранатъ;

Тамъ свѣжихъ розъ благоуханье;
Тамъ гордый лавръ плѣняетъ взоръ,
И листьевъ мирта трепетанье,
Какъ двухъ влюбленныхъ разговоръ.
Прелестный край! Все дышетъ югомъ,
И тѣнь садовъ, и лоно водъ,
И Альповъ цѣпь могущимъ кругомъ
Его отъ хлада стережетъ;
И ярко въ небѣ блещутъ льдины,
И выше сизыхъ облаковъ
Восходятъ горы-исполины
Подъ шлемомъ дѣвственныхъ снѣговъ.
Не такъ ли, въ повѣстяхъ Востока,
Ирана юная краса
Сокрыта за моремъ, далеко,
Гдѣ чисто свѣтятъ небеса,
Гдѣ сонъ ея лелѣютъ Пери,
И духи водъ ей пѣснь поютъ:
Но мрачный Дивъ стоитъ у двери,
Храня таинственный пріютъ.

(1831 г.)

XIV.

ЗИМА.

Поля покрылися пушистыми снѣгами,
И солнце, скрытое туманными зыбями,
Какъ будто крадется невидимой стезей
Отъ утра поздняго до ранней тьмы ночной.
Прощайте, осени разгульныя забавы!
Прощай, призывный рогъ въ безмолвіи дубравы,
И легкій скокъ коня по доламъ и горамъ,
И звучная гоньба по утреннимъ зарямъ!
Когда пройдетъ зима? Когда увидимъ снова
Веселый цвѣтъ луговъ и поля озимнова,
Лѣса, согрѣтые дыханіемъ весны,
И синеву небесъ надъ зеркаломъ волны?
Вотще, исполненный невольнаго томленья,
Чтобъ разогнать тоску и скуку заточенья,
Гляжу въ замерзшее и тусклое окно;
Вокругъ все холодно, и мертво, и темно!

Вдали шумитъ мятель, и на землѣ печальной
Раскинутъ бѣлый снѣгъ, какъ саванъ погребальный;
Вокругъ все холодно, но что-жь? Въ груди моей
Теплѣе кровь бѣжитъ и взоръ души свѣтлѣй.
Мечта проснулася, и чудныя видѣнья
Рисуетъ предо мной игра воображенья:
Мнѣ помнятся края, гдѣ, путникъ молодой,
Я съ мирнымъ посохомъ и пылкою душой
Бродилъ среди картинъ и прелестей природы...
Скалы Швейцаріи, убѣжище свободы,
И роскошь Франціи, и ты страна чудесъ
И пламенныхъ искусствъ и радужныхъ небесъ,
Страна Италіи, гдѣ лугъ, и лѣсъ, и волны,
И дикихъ горъ верхи восторговъ сладкихъ полны!
Мнѣ битвы помнятся, гусаровъ шумный станъ,
Блестящей сабли взмахъ, погибель мусульманъ,
Марицы свѣтлый токъ, Эдырне горделивый,
И стройный минаретъ въ пустынѣ молчаливой.
Но чаще помню я, забывши внѣшній міръ,
На лонѣ юности мой беззаботный пиръ,
Надежды смѣлыя, веселыя мечтанья,
Давно увядшіе цвѣты существованья,
И брата и пѣвца, любимца чистыхъ музъ,
И смертью раннею разорванный союзъ....
И съ памятью утратъ и прежнихъ наслажденій,
Бѣгутъ потоки слезъ, стиховъ и вдохновеній.

(1831 г.)

XV.

НА СОНЪ ГРЯДУЩІЙ.

Давно ужь за полночь, я лягу отдохнуть.
Пора мнѣ мирнымъ сномъ сомкнуть
  Глаза усталые отъ бдѣнья,
  И отъ житейскаго волненья
  На время успокоить грудь.
Ложуся спать... Какою нѣгой чудной
Все дышетъ здѣсь!... Какъ сладко думать мнѣ
Что конченъ день заботливый и трудный,
  Что я могу въ безпечной тишинѣ
Лелѣять до утра веселыя видѣнья,
И вольною мечтой свой новый міръ творить,
  И средь роскошнаго творенья
  Другою, дивной жизнью жить.
Пусть завтра вновь привычныя волненья!...
Пусть завтра вновь!... Да кто-жь порукой въ томъ,
Что встанетъ для меня денница золотая?

Кто скажетъ мнѣ, что, засыпая,
Не засыпаю вѣчнымъ сномъ?
Быть-можетъ, что востокъ туманный
Зажжется въ утренней зарѣ,
А на нѣмомъ моемъ одрѣ
Найдутъ лишь трупъ мой бездыханный.
Подумать страшно. Сонъ лукавъ!
Что если жизненныя силы
Коварной цѣпію связавъ,
Онъ передастъ ихъ въ плѣнъ могилы?
Что если чувство бытія
И страсти бурное волненье,
И мыслей гордое паренье
Въ единый мигъ утрачу я?

Я въ морѣ былъ, въ кровавой битвѣ,
На краѣ пропастей и скалъ,
И никогда въ своей молитвѣ
Объ жизни къ Богу не взывалъ.
Но въ тихій часъ успокоенья
Ударъ нежданный получить,
На ложѣ темнаго забвенья
Украденнымъ изъ міра быть—
Противно мнѣ.—Творецъ вселенной
Услышь мольбы полнощный гласъ:
Когда Тобой опредѣленный

Настанетъ мой послѣдній часъ,
Пошли мнѣ въ сердце предвѣщанье!
Тогда покорною главой,
Безъ малодушнаго роптанья,
Склонюсь предъ волею святой.
Въ мою смиренную обитель
Да придетъ Ангелъ разрушитель,
Какъ гость издавна жданный мной!
Мой взоръ измѣритъ великана,
Боязнью грудь не задрожитъ,
И духъ изъ дольняго тумана
Полетомъ смѣлымъ воспаритъ.

(1831 г.)

XVI.

ДУМЫ.

Тамъ были шумъ и разговоры,
И блескъ ума, и смѣхъ живой
И юныхъ дѣвъ сіяли взоры
Свѣтлѣй, чѣмъ звѣзды въ тмѣ ночной
И сладки рѣчи слухъ ласкали,
И былъ привѣтенъ блескъ очей;
Но думы бурныя роптали
Во глубинѣ души моей:
«Проснись! проснись! Мы призываемъ
Тебя отъ сновъ, отъ грезъ пустыхъ.
Проснись! Мы гаснемъ, увядаемъ,
Любимцы лучшихъ дней твоихъ!
Проснися... Радость измѣняетъ,
И жизнь кратка, и хладенъ свѣтъ,
И не надолго утѣшаетъ
Его обманчивый привѣтъ.

А мы безсмертными вѣнцами
Могли-бъ главу твою вѣнчать,
Могли бы яркими цвѣтами
Межъ лавровъ Руси расцвѣтать.
Мы крыльями тебя обнимемъ,
И въ край поэзіи святой
Твой духъ восторженный поднимемъ
Мечтами, пѣснью и мольбой.
Проснись, проснись!... Мы призываемъ
Тебя отъ сновъ, отъ грезъ пустыхъ.
Проснись!... Мы гаснемъ, увядаемъ,
Любимцы лучшихъ дней твоихъ!»

Молчите, пламенныя думы!
Засните вновь на краткій срокъ!
Твердитъ напрасный мнѣ упрекъ
Вашъ голосъ строгій и угрюмый.
Меня не свяжетъ свѣтъ холодный;
Настанетъ вдохновенный часъ,—
И къ жизни звучной и свободной,
Могучій, вызову я васъ!

(1831 г.)

XVII.

ОДА.

Внимайте голосъ истребленья!
За громомъ громъ, за крикомъ крикъ!
То звуки дальняго сраженья,
Къ нимъ слухъ воинственный привыкъ.
Вотъ ружей звонкіе раскаты,
Вотъ пѣшей рати мѣрный шагъ,
Вотъ натискъ конницы крылатой,
Вотъ пушекъ ревъ на высотахъ,
И крикъ торжествъ, мнѣ крикъ знакомый,
И смерти стонъ, мнѣ плачъ родной....
О, замолчите, битвы громы!
Остановись, кровавый бой!

Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ, въ преступный часъ!

Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ,
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безсмысленной позоръ!
Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,
И повѣсть мщенья и страданья, —
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!

И взоръ поэта вдохновенный
Ужь видитъ новый вѣкъ чудесъ....
Онъ видитъ: гордо надъ вселенной,
До свода синяго небесъ,
Орлы славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ—Сѣвернымъ Орломъ.
Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей,
И будущихъ Баяновъ струны
Поютъ согласье и покой!...

1831 г.

XVIII.

ОРЕЛЪ.

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полунощныхъ Орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Лети, но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!
На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись:
Ихъ много тамъ, гдѣ гнѣвъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтоновъ вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ...

И ждутъ окованные братья—
Когда же зовъ услышатъ твой,
Когда ты крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой?...
О, вспомни ихъ, Орелъ полночи!
Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надеждой лучшихъ дней,
И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!
Ихъ часъ придетъ, окрѣпнутъ крылья,
Младые когти подростутъ,
Вскричатъ орлы,—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ!

(1832 г.)

XIX.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Гой красна земля Володиміра!
Много силъ въ тебѣ, городовъ большихъ,
Много люду въ тебѣ православнаго!
Въ сини горы ты упираешься,
Синимъ моремъ ты омываешься,
Не боишься ты люта ворога,
А боишься лишь гнѣва Божія.
Гой красна земля Володиміра!
Послужили тебѣ мои прадѣды,
Миромъ-разумомъ успокоили,
Города твои изукрасили,
Люта ворога отодвинули:
Помяни добромъ моихъ прадѣдовъ,
Послужили тебѣ службу крѣпкую.
Службу бо́льшую я служилъ тебѣ:
Отъ меня-ль, въ степяхъ, мужички пошли,

Мужички пошли, все богатые,
Знаютъ чинъ свой, знаютъ до́бычу,
Братьевъ любятъ, Богу молятся.
Отъ меня-ль, въ судахъ, правда-судъ пошли,
Правда-судъ пошли неподкупные, —
Правда въ слушанье, судъ въ видѣніе.
Отъ меня-ль пошла въ цѣлый міръ молва:
Что и синяго неба не выглядѣть,
Что и синяго моря не вычерпать —
То красна земля Володиміра.
Полюбуйся ей—не насмотришься,
Черпай разумъ въ ней—не исчерпаешь!
Ходитъ по небу солнце ясное,
Грѣетъ, свѣтитъ міру цѣлому,
Ночью теплятся звѣзды частыя,
А травѣ да песчинкамъ счету нѣтъ.
По землѣ ходитъ слово Божіе,
Грѣетъ жизнію, свѣтитъ радостью,
Блещутъ главы церквей золочёныя,
А Господнихъ слугъ да молельщиковъ,
Что̀ травы въ степяхъ, что̀ песку въ моряхъ!

XX.

ИНОСТРАНКѢ.

Вокругъ нея очарованье,
Вся роскошь Юга дышетъ въ ней;
Отъ розъ ей прелесть и названье,
Отъ звѣздъ полудня блескъ очей.
Прикованъ къ ней волшебной силой,
Поэтъ восторженный глядитъ,
Но никогда онъ дѣвѣ милой
Своей любви не посвятитъ.

Пусть ей понятны сердца звуки,
Высокой думы красота,
Поэтовъ радости и муки,
Поэтовъ чистая мечта;

Пусть въ ней душа какъ пламень ясный,
Какъ дымъ молитвенныхъ кадилъ;
Пусть Ангелъ свѣтлый и прекрасный
Ее съ рожденья осѣнилъ:
Но ей чужда моя Россія,
Отчизны дикая краса,
И ей милѣй страны другія,
Другія лучше небеса!
Пою ей пѣснь роднаго края,—
Она не внемлетъ, не глядитъ!
При ней скажу я: «Русь Святая!»—
И сердце въ ней не задрожитъ!

И тщетно лучъ живаго свѣта
Изъ черныхъ падаетъ очей,—
Ей гордая душа поэта
Не посвятитъ любви своей.

(1832 г.)

XXI.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

О дѣва-роза, для чего
Мнѣ грудь волнуешь ты
Порывной бурею страстей,
Желанья и мечты?

Спусти на свой блестящій взоръ
Рѣсницы длинной тѣнь:
Твои глаза огнемъ горятъ,
Томятъ, какъ лѣтній день.

Нѣтъ: взоръ открой! Отраднѣй мнѣ
Отъ зноя изнывать,
Чѣмъ знать, что въ небѣ солнце есть,
И солнца не видать!

(1832 г.)

XXII.

Къ *.

Не горюй по лѣтнимъ розамъ;
Вѣрь мнѣ, чуденъ Божій свѣтъ!
Зимнимъ вьюгамъ и морозамъ
Рады заяцъ да поэтъ.
Для меня, въ безпечной лѣни,
Какъ часы ночнаго сна,
Протекли безъ вдохновеній
Осень, лѣто и весна:
Но лишь гулкія метели
Въ снѣжномъ полѣ заревутъ,
И въ пушистыя постели
Зайцы робкіе уйдутъ, —
Пѣсенъ дѣва молодая
Въ бурѣ мнѣ привѣтъ пришлетъ,
И привѣту отвѣчая,
Что-то въ сердцѣ запоетъ.

(1832 г.)

XXIII.

ЖАВОРОНОКЪ, ОРЕЛЪ И ПОЭТЪ.

Когда, проснувшися, свѣтлѣетъ
Востокъ росистою зарей,
Незримый жаворонокъ рѣетъ
Въ равнинѣ неба голубой;
И, вдохновенный, безъ науки
Творитъ онъ пѣснь; и съ высока
Серебряные сыплетъ звуки
На слѣдъ воздушный вѣтерка.
Орелъ, добычу забывая,
Летитъ, и выше сизыхъ тучъ,
Какъ парусъ крылья разстилая,
Всплываетъ веселъ и могучъ.

Зачѣмъ поютъ? Зачѣмъ летаютъ?
Зачѣмъ горячія мечты
Поэта въ небо увлекаютъ
Изъ мрака дольней суеты?

За тѣмъ, что въ небѣ вдохновенье,
И въ пѣсняхъ есть избытокъ силъ,
И гордой воли упоенье
Въ надоблачномъ размахѣ крылъ;
За тѣмъ, что съ выси небосклона
Отрадно видѣть край земной
И робкихъ чадъ земнаго лона —
Далеко, низко подъ собой.

(1832 г.)

XXIV.

ВДОХНОВЕНІЕ.

Лови минуту вдохновенья,
Восторговъ чашу жадно пей,
И сномъ лѣниваго забвенья
Не убивай души своей!

Лови минуту, — пролетаетъ,
Какъ молньи яркая струя,
Но годы многіе вмѣщаетъ
Она земнаго бытія.
Но если разъ душой холодной
Отринешь ты небесный даръ,
И въ суетѣ земли безплодной
Потушишь вдохновенья жаръ;
И если разъ, въ безпечной лѣни,
Ничтожность міра полюбивъ,
Ты свяжешь цѣпью наслажденій
Души бунтующій порывъ:

Къ тебѣ поэзіи священной
Не снидетъ чистая роса,
И предъ зеницей ослѣпленной
Не распахнутся небеса;
Но сердце бѣдное изсохнетъ,
И нива прежнихъ думъ твоихъ,
Какъ степь безводная, заглохнетъ
Подъ терномъ помысловъ земныхъ.

(1832 г.)

XXV.

ДВѢ ПѢСНИ.

Прелестна пѣснь полуденной страны!
Она огнемъ живительнымъ согрѣта,
Какъ яркій день безоблачнаго лѣта;
Она сладка, какъ томный свѣтъ луны,
Трепещущій на зеркалѣ лагуны;
Все въ ней къ любви и нѣгѣ насъ манитъ:
Но не звучатъ отзывно сердца струны,
И мысль моя въ груди безмолвной спитъ.

Другая пѣснь, то пѣснь роднаго края,—
Протяжная, унылая, простая,
Тоски и слезъ и горестей полна,
Какъ много думъ взбудила вдругъ она
Про нашу степь, про звонкія мятели,
Про радости и скорби юныхъ дней,
Про тихіе напѣвы колыбели,
Про отчій домъ, и кровныхъ и друзей!

(1832 г.)

XXVI.

КЪ ***.

Когда гляжу, какъ чисто и зеркально
Твое чело,
Какъ ясенъ взоръ, — мнѣ грустно и печально,
Мнѣ тяжело.

Ты знаешь ли, какъ глубоко и свято
Тебя люблю?:
Ты знаешь ли, что отдалъ безъ возврата
Я жизнь свою?

Когда умретъ предъ хладной молньей взора
Любви мечта,
Не прогремятъ правдиваго укора
Мои уста,

Но пропою въ послѣднее прощанье
Я пѣснь одну:
Въ ней всю любовь, все горе, все страданье,
Всю жизнь сомкну.

И слыша пѣснь какимъ огнемъ согрѣта
И какъ грустна,
Узнаетъ міръ, что въ ней душа поэта
Схоронена.

~~~~~~~~~
~~~~~~~~~

XXVII.

Благодарю тебя! Когда любовью нѣжной
Сіяли для меня лучи твоихъ очей,
Подъ игомъ сладостнымъ заснулъ въ груди мятежно
Порывъ души моей.

Благодарю тебя! Когда твой взоръ суровый
На юнаго пѣвца съ холодностью упалъ,
Мой гордый духъ вскипѣлъ, и прежнія оковы
Я смѣло разорвалъ!

И шире мой полетъ, живѣе въ крыльяхъ сила
Все въ груди тишина, все сердце разцвѣло;
И пѣсенъ благодать свѣжѣе осѣнила
Свободное чело!

Такъ, послѣ ярыхъ бурь, моря лазурнѣй, тише,
Благоуханнѣй лѣсъ, свѣжѣй долинъ краса, —
Такъ раненый слегка орелъ уходитъ выше
Въ родныя небеса!

(1834 г.)

XXVIII.

ЭЛЕГІЯ.

Когда вечерняя спускается роса,
И дремлетъ дольній міръ, и вѣтръ прохладой дуетъ,
И синимъ сумракомъ одѣты небеса,
И землю сонную лучъ мѣсяца цѣлуетъ,—
Мнѣ страшно вспоминать житейскую борьбу,
И грустно быть однимъ, и сердце сердца проситъ,
И голосъ трепетный то ропщетъ на судьбу,
То имена любви невольно произноситъ....
Когда-жь въ часъ утренній проснувшійся востокъ
Выводитъ съ торжествомъ денницу золотую,
Иль солнце льетъ лучи, какъ пламенный потокъ,
На ясный миръ небесъ, на суету земную,—
Я снова бодръ и свѣжъ: на смутный бытъ людей
Бросаю смѣлый взглядъ; улыбку и презрѣнье
Одни я шлю въ отвѣтъ грозамъ судьбы моей,
И радуетъ меня мое уединенье.

Готовая къ борьбѣ и крѣпкая какъ сталь,
Душа бѣжитъ любви, безсильнаго желанья
И одинокая, любя свои страданья,
Питаетъ гордую, безгласную печаль.

(1834 г.)

XXIX.

МЕЧТА.

О грустно, грустно мнѣ! ложится тьма густая
На дальнемъ Западѣ, странѣ святыхъ чудесъ:
Свѣтила прежнія блѣднѣютъ догарая,
И звѣзды лучшія срываются съ небесъ.
А какъ прекрасенъ былъ тотъ Западъ величавый!
Какъ долго цѣлый міръ, колѣна преклонивъ
И чудно озаренъ его высокой славой,
Предъ нимъ безмолвствовалъ, смиренъ и молчаливъ!
Тамъ солнце мудрости встрѣчали наши очи,
Кометы бурныхъ сѣчъ бродили въ высотѣ,
И тихо, какъ луна, царица лѣтней ночи,
Сіяла тамъ любовь въ невинной красотѣ;
Тамъ въ яркихъ радугахъ сливались вдохновенья
И Вѣры огнь живой потоки свѣта лилъ....
О, никогда земля отъ первыхъ дней творенья
Не зрѣла надъ собой столь пламенныхъ свѣтилъ!

Но горе! вѣкъ прошелъ, и мертвеннымъ покровомъ
Задернутъ Западъ весь! Тамъ будетъ мракъ глубокъ....
Услышь же гласъ судьбы, воспрянь въ сіяньи новомъ,
Проснися, дремлющій Востокъ!

(1834 г.)

XXX.

КЛЮЧЪ.

Сокрытъ въ глуши, въ тѣни древесной,
Любимецъ Музъ и тихихъ думъ,
Фонтанъ живой, фонтанъ безвѣстный,
Какъ сладокъ мнѣ твой легкій шумъ!
Поэта чистая отрада,
Тебя не сыщетъ въ жаркій день
Копыто жаждущаго стада,
Иль поселянъ бродящихъ лѣнь;
Лѣсовъ зеленая пустыня
Тебя широко облегла,
И вѣры ясная святыня
Тебя подъ кровъ свой приняла;
И не скуютъ тебя морозы,
Тебя не ссушитъ лѣтній зной,
И льешь ты сребряныя слёзы
Неистощимою струей

Въ твоей груди, моя Россія,
Есть также тихій, свѣтлый ключъ!
Онъ также воды льетъ живыя,
Сокрытъ, безвѣстенъ, но могучъ.
Не возмутятъ людскія страсти
Его кристальной глубины,
Какъ прежде холодъ чуждой власти
Не заковалъ его волны.
И онъ течетъ неизсякаемъ,
Какъ тайна жизни невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу да Его святымъ!

Но водоема въ тѣсной чашѣ
Не вѣчно будетъ заключенъ, —
Нѣтъ, съ каждымъ днемъ живѣй и краше,
И глубже будетъ литься онъ.
И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ.
Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,
Какъ къ брегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались!
Смотрите! мчатся черезъ волны

Съ богатствомъ мыслей корабли,
Любимцы неба, силы полны,
Плодотворители земли!
И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины,
И осіявъ весь міръ лучами
Любви, святыни, тишины.

1835 г.

XXXI.

ОСТРОВЪ.

Островъ пышный, островъ чудный,
Ты краса подлунной всей,
Лучшій камень изумрудный
Въ голубомъ вѣнцѣ морей!
Грозный стражъ твоей свободы,
Сокрушитель чуждыхъ силъ,
Вкругъ тебя широко воды
Океанъ сѣдой разлилъ.
Онъ бездоненъ и просторенъ,
И враждуетъ онъ съ землей;
Но смиренёнъ, но покоренъ,
Онъ любуется тобой;
Для тебя онъ укрощаетъ
Свой неистовый набѣгъ,
И ласкаясь обнимаетъ
Твой бѣлѣющійся брегъ.

Дочь любимая природы,
Благодатная земля,
Какъ кипятъ твои народы,
Какъ цвѣтутъ твои поля!
Какъ державно надъ волною
Ходитъ твой широкій флагъ!
Какъ кроваво надъ землею
Мечъ горитъ въ твоихъ рукахъ
Какъ свѣтло вѣнецъ науки
Блещетъ надъ твоей главой,
Какъ высоки пѣсенъ звуки,
Міру брошенныхъ тобой!
Вся облита блескомъ злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна, ты сильна.
И далекія державы,
Робко взоръ стремя къ тебѣ,
Ждутъ, какіе вновь уставы
Ты предпишешь ихъ судьбѣ.

Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго суда;
Но за то, что Церковь Божью

Святотатственной рукой
Приковала ты къ подножью
Власти суетной, земной:
Для тебя, морей царица,
День придетъ, и близокъ онъ,
Блескъ твой, злато, багряница—
Все пройдетъ, минетъ какъ сонъ!
Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ,
Перестанетъ мечъ сверкать,
И сыновъ твоихъ покинетъ
Мысли ясной благодать,
И забывъ твой флагъ державный,
Вновь свободна и грозна,
Заиграетъ своенравно
Моря шумная волна!

И другой странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесъ,
Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Громъ земли и гласъ небесъ....

)1836 г.)

XXXII.

Лампада поздняя горѣла
Предъ сонной лѣнію моей,
И ты взошла и тихо сѣла
Въ сліяньи мрака и лучей.
Головки русой очеркъ нѣжный
Въ тѣни скрывался, а чело —
Святыня думы безмятежной —
Бѣлѣло чисто и свѣтло.
Уста съ улыбкою спокойной,
Глаза съ лазурной ихъ красой —
Все чуднымъ міромъ, мыслью стройной,
Въ тебѣ сіяло предо мной.
Кругомъ — глубокое молчанье:
Казалось, это дивный сонъ,
И я глядѣлъ,ставъ дыханье,
Боясь, чтобъ не скрылся онъ.
Ушла ты,— солнце закатилось,
Померкла хладная земля,
Но въ ней глубоко затаилась

От солнца жаркая струя.
Ушла,—но, Боже, как звенѣли
Всѣ струны пламенной души,
Какую пѣсню въ ней запѣли
Онѣ въ полуночной тиши!
Какъ вдругъ и молодо и живо,
Вскипѣли силы прежнихъ лѣтъ,
И какъ вздрогнулъ нетерпѣливо,
Какъ вспрянулъ дремлющій поэтъ!
Какъ чистымъ пламенемъ искусства
Его зажглася голова,
Какъ сны, надежды, мысли, чувства
Слилися въ звучныя слова!
О, вѣрь мнѣ, сердце не обманетъ:
Свѣтло звѣзда моя взошла,
И снова новый лучъ проглянетъ
На лавры гордаго чела.

~~~~~~~~
~~~~~~~~

XXXIII.

КЪ ДѢТЯМЪ.

Бывало, въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней,
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!

Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
Нѣтъ въ комнатѣ жизни; кроватка пуста;
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ...
Мнѣ грустно, малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмется!

О дѣти, въ глубокій полуночный часъ,
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,
О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать,—
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

1838 г.

XXXIV.

МИЛЬКѢЕВУ.

Не вѣрь, что хладными сердцами
Остались чужды мы тебѣ,
Что ты забытъ, не понятъ нами,
Что брошенъ въ жертву злой судьбѣ.

Твоей молитвы гимнъ прекрасный,
Твоихъ страданій тихій гласъ,
Все жизнью свѣтлой, мыслью ясной,
Чаруя, оживило насъ.

Ты пѣлъ, — и Обь, Иртышъ и Лена
Въ степяхъ вилися предо мной;
Бѣлѣла ихъ сѣдая пѣна,
Лѣса чернѣли надъ волной.

Ты пѣлъ, — и подъ крыломъ бурана
Гудѣла степь и гнулся боръ,
И, прорѣзая зыбь тумана,
Росли вершины снѣжныхъ горъ,

Вставалъ Алтай, весь полонъ злата,
И тайны и видѣній полнъ...
А пѣснь твоя звучала свято,
Прекраснѣй горъ, степей и волнъ.

Ты нашъ, ты нашъ! По сердцу братья
Тебѣ нашлись. Тебя зовутъ
И дружбы теплыя объятья,
И Музамъ сладостный пріютъ.

(1839 г.)

XXXVI.

КІЕВЪ.

Высоко̀ передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Сладко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
«Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?»

«Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ — краса степей». —
«Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!» —

«Край мой — теплый брегъ Эвксина!» —
«Край мой — брегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ». —

«Дикъ и страшенъ верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!» —
«Мнѣ отчизна — старый Псковъ». —

«Я отъ Ладоги холодной», —
«Я отъ синихъ волнъ Невы», —
«Я отъ Камы многоводной», —
«Я отъ матушки Москвы». —

Слава, Днѣпръ, сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.

Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго востокъ.

И теперь изъ странъ далекихъ,
Изъ невѣдомыхъ степей,
Отъ полночныхъ рѣкъ глубокихъ —
Полкъ молящихся дѣтей, —

Мы вокругъ твоей святыни,
Всѣ съ любовью собраны....
Братцы, гдѣ-жь сыны Волыни?
Галичь, гдѣ твои сыны?

Горе, горе! Ихъ спалили
Польши дикіе костры,
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры:

Мечъ и лесть, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ;
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ.

Пробудися, Кіевъ, снова!
Падшихъ чадъ своихъ зови!
Сладокъ гласъ отца роднова,
Зовъ моленья и любви.

И отторженныя дѣти,
Лишь услышатъ твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ,

Снова, какъ во время оно,
Успокоиться придутъ
На твое святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ.

И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрожденные тобой!

(1839 г.)

XXXVII.

ВИДѢНІЕ.

Какъ темнота широко воцарилась!
Какъ замеръ шумъ деннаго бытія!
Какъ сладостно дремотою забылась
Прекрасная, любимая моя!
Весь міръ лежитъ въ торжественномъ покоѣ,
Увитый сномъ и дивной тишиной;
И хоры звѣздъ, какъ празднество ночное,
Свои пути свершаютъ надъ землей.

Чтó пронеслось какъ вешнее дыханье?
Чтó надо мной такъ быстро протекло?
И что за звукъ, какъ арфы содроганье,
Какъ лебедя звенящее крыло?
Вдругъ свѣтъ блеснулъ, полнеба распахнулось,
Я задрожалъ, безмолвный, чуть дыша....
О, передъ кѣмъ ты, сердце, встрепенулось?
Кого ты ждешь? — скажи, моя душа!

Ты здѣсь, ты здѣсь, владыка пѣснопѣній,
Прекрасный царь моей младой мечты!
Небесный другъ, мой благодатный геній,
Опять, опять ко мнѣ явился ты!
Все та-жь весна ланиты оживленной,
И тотъ же блескъ твоихъ эфирныхъ крылъ,
И тѣ-жь уста съ улыбкой вдохновенной,
Все тотъ же ты: но ты не то, что̀ былъ.

Ты долго жилъ въ лазурномъ томъ просторѣ,
И на челѣ остался лучъ небесъ;
И цѣлый міръ въ твоемъ глубокомъ взорѣ,
Міръ ясныхъ думъ и творческихъ чудесъ.
Прекраснѣе, и глубже, и звучнѣе
Твоихъ рѣчей пѣвучая волна,
И крѣпкій станъ подъемлется смѣлѣе,
И звонкихъ крылъ грознѣе ширина.

Передъ тобой, съ волненьемъ тайнымъ страха
Сливается волненіе любви.
Склонись ко мнѣ, возьми меня изъ праха,
По прежнему мечты благослови!
По прежнему ѳирнымъ дуновеньемъ,
Небесный братъ, коснись главы моей,
Всю грудь мою наполни вдохновеньемъ,
Земную мглу отъ глазъ моихъ отвѣй!

И полный силъ, торжественный и мирный,
Я возстаю надъ бездной бытія....
Проснись, тимпанъ! Проснися, голосъ лирный!
Въ моей душѣ проснися, пѣснь моя!
Внемлите мнѣ, вы, страждущіе люди;
Вы, сильные, склоните робкій слухъ;
Вы, мертвыя и каменныя груди,
Услыша пѣснь, примите жизни духъ!

(1840 г.)

XXXV.

РОССІИ.

«Гордись!» тебѣ льстецы сказали:
«Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
«Земля несокрушимой стали
«Полміра взявшая мечомъ!
«Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
«И прихотей твоихъ раба,
«Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
«Тебѣ покорная судьба.
«Красны степей твоихъ уборы,
«И горы въ небо уперлись,
«И какъ моря твои озёры......»
Не вѣрь, не слушай, не гордись!
Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей,
И нѣдра горъ алмазовъ полны,
И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонятъ взоръ,

И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:
Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!
Грознѣй тебя былъ Римъ великой,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огнь булата
Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей,
И вся зарылась въ груды злата
Царица западныхъ морей.
И что же Римъ? и гдѣ Монголы?
И скрывъ въ груди предсмертный стонъ,
Куетъ безсильныя крамолы,
Дрожа надъ бездной Альбіонъ!
Безплоденъ всякой духъ гордыни,
Не вѣрно злато, сталь хрупка:
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!

И вотъ, за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,

Глаголъ Творца пріяла ты, —
Тебѣ Онъ далъ свое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ:
Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племенъ святое братство,
Любви живительной сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду и безкровный судъ.
Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,
Начало славы и чудесъ!....
О, вспомни свой удѣлъ высокой,
Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему — и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей!
И станешь, въ славѣ ты чудесной,
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный —
Прозрачный Вышняго покровъ!

1840 г.

XXXVIII.

НА ПЕРЕНЕСЕНІЕ НАПОЛЕОНОВА ПРАХА.

Небо ясно, тихо море,
Воды ласково журчатъ;
Въ безграничномъ ихъ просторѣ
Мчится весело фрегатъ.
Молньи сизыя трепещутъ,
Бури дикія шумятъ,
Волны бьются, волны плещутъ:
Мчится весело фрегатъ.
Дни текутъ; на ризахъ ночи
Звѣзды южныя зажглись;
Мореходцевъ жадны очи
Въ даль завѣтную впились.
Берегъ! берегъ! Передъ ними
Къ небу синему взошла
Надъ пучинами морскими
Одинокая скала.

Здѣсь онъ! Здѣсь его могила
Въ дикихъ вырыта скалахъ:
Глыба тяжкая покрыла
Полководца хладный прахъ.
Здѣсь страдалъ онъ въ ссылкѣ душной,
Молньей внутренней сожжёнъ,
Местью страха малодушной,
Низкой злостью истомленъ.
Вырывайте-жь бренно тѣло,
И чрезъ бурный океанъ
Пусть фрегатъ вашъ мчится смѣло,
Съ новой данью южныхъ странъ!
Онъ придетъ, онъ въ пристань станетъ,
Онъ его хранимъ судьбой;
Слыша вѣсть о васъ, воспрянетъ,
Встрѣтитъ пепелъ дорогой,—
Съ шумомъ буйныхъ ликованій,
Поздней ревности полна,
Въ дни несчастья, въ дни страданій
Измѣнившая страна!

Было время, были годы,—
Этотъ прахъ былъ богъ земли:
Взглянетъ онъ — дрожатъ народы,
Войска движутся вдали.
А пойдетъ онъ, строгой, блѣдной,

Словно памятникъ живой,—
Подъ его стопою мѣдной
Содрогнется шаръ земной;
Въ полѣ вспыхнетъ буря злая,
Вспыхнутъ громы на моряхъ,
И ложатся, умирая,
Люди въ кровь и царства въ прахъ!
И въ тѣ дни своей гордыни
Онъ пришелъ къ Москвѣ святой,
Но спалилъ огонь святыни
Силу гордости земной.

Опускайте-жъ тѣло бренно
Въ тихій, темный, вѣчный домъ,
И обрядъ мольбы смиренной
Совершите надъ вождемъ.
Пусть изъ мѣди, пусть изъ злата,
Камней, красокъ и рѣзьбы,
Встанетъ памятникъ богатый
Той неслыханной судьбы!
Пусть надъ перстью благородной
Громомещущей главы,
Блещетъ саванъ зимъ холодный,
Пламя жаркое Москвы;
И не мечъ, не штыкъ трехгранный,
А въ вѣнцѣ полночныхъ звѣздъ—

Усмиритель бури бранной —
Наша сила, Русскій крестъ!
Пусть, когда въ земное лоно
Пренесенъ чрезъ бездну водъ,
Бѣдный прахъ Наполеона,
Тлѣнью отданный, заснетъ, —
Передъ сномъ его могилы
Скажетъ міръ, склонясь главой:
Нѣтъ могущества, ни силы,
Нѣтъ величья подъ луной!

1841 г.

XXXIX.

7 НОЯБРЯ.

Когда мы разрыли могилу вождя
И вызвали гробъ на сіяніе дня,
    Въ насъ сердце сжалось отъ страха:
Казалось, лишь тронемъ свинецъ гробовой,
Лишь дерзко подымемъ преступной рукой
    Покровъ съ могучаго праха, —

Сердитыя волны вскипятъ на моряхъ,
Сердитыя тучи взбѣгутъ въ небесахъ,
    И вихрь средь знойнаго поля!
И снова польется потоками кровь,
И, вставши, всю землю потребуетъ вновь
    Боецъ — желѣзная воля!

Мы сняли покровы: глядимъ — небеса
Спокойны, безмолвны поля и лѣса,
    И тихи, зѐркальны волны!
И все озлатилось вечернимъ лучомъ,
И мы вкругъ могилы стоимъ и живемъ,
    И силъ, и юности полны!

А онъ недвижимъ, онъ — гремящій въ вѣкахъ,
Онъ, сжавшій всю землю въ орлиныхъ когтяхъ,
Мужъ силы, молнія брани!
Уста властелина на вѣки молчатъ,
И смертью закрытъ повелительный взглядъ,
И смертью скованы длани.

И снова, скрѣпляя свинецъ роковой,
Тогда оросили мы горькой слезой
Его доску гробовую:
Какъ будто сложили подъ вѣчный покровъ
Всю силу души и всю славу вѣковъ,
И всю гордыню людскую.

1841 г.

XL.

ЕЩЕ О НЕМЪ.

Не сила народовъ тебя подняла,
Не воля чужая вѣнчала:
Ты мыслилъ и властвовалъ, жилъ, побѣждалъ,
Ты землю желѣзной стопой попиралъ,
Главу самозданнымъ вѣнцомъ увѣнчалъ,
Помазанникъ собственной силы!

Не сила народовъ повергла тебя,
Не всталъ тебѣ ровный соперникъ;
Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,
Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ
И снѣгомъ засыпалъ дружины.

Скатилась звѣзда съ омраченныхъ небесъ,
Величье земное во прахѣ!...
Скажите, не утро-ль съ Востока встаетъ?
Не новая-ль жатва надъ прахомъ растетъ?
Скажите!....... Міръ жадно и трепетно ждетъ
Властительной мысли и слова!...

1841 г.

XLI и XLII.

NACHTSTÜCK.

1.

Вчерашняя ночь была такъ свѣтла,
Вчерашняя ночь всѣ звѣзды зажгла
Такъ ясно,
Что, глядя на холмы и дремлющій лѣсъ,
На воды, блестящія блескомъ небесъ,
Я думалъ: о, жить въ этомъ мірѣ чудесъ
Прекрасно!

Прекрасны и волны, и даль степей,
Прекрасна, въ одеждѣ зеленыхъ вѣтвей,
Дубрава;
Прекрасна любовь съ вѣчно-свѣжимъ вѣнкомъ,
И дружбы звѣзда съ неизмѣннымъ лучомъ,
И пѣсенъ восторгъ съ озареннымъ челомъ,
И слава!

Взглянулъ я на небо — тамъ твердь ясна:
Высоко, высоко восходитъ она
Надъ бездной;
Тамъ звѣзды живыя катятся въ огнѣ....
И дѣтское чувство проснулось во мнѣ,
И думалъ я: лучше намъ въ той вышинѣ,
Надзвѣздной!

1841 г.

2.

Сумракъ вечерній тихо взошелъ,
Мѣсяцъ двурогой звѣзды повелъ
Въ лазурномъ просторѣ:
Время покоя, любви, тишины,
Воздухъ и небо сіянья полны,
Смолкло роптанье разгульной волны,
Сравнялося море.

Сердцу отрадно; берегъ далекъ,
Какъ очарованъ спитъ мой челнокъ,
Упали вѣтрила.
Небо, какъ море, лежитъ надо мной,
Море, какъ небо, блеститъ синевой,
Въ безднѣ небесной и безднѣ морской
Все тѣ же свѣтила.

О, чтобы въ душу вошла тишина!
О, чтобы рѣже смущалась она
        Земными мечтами!
Лучше, чѣмъ въ лонѣ лазурныхъ морей,
Полное тайны и полно лучей,
Вѣчное небо глядѣлось бы въ ней
        Со всѣми звѣздами!

1841 г.

XLIII.

RITTERSPRUCH — RICHTERS PRUCH.

Ты вихремъ летишь на конѣ боевомъ
  Съ дружиной твоей удалою,—
И врагъ побѣжденный упалъ подъ конемъ,
И плѣнный лежитъ предъ тобою:
Сойдешь ли съ коня ты? Поднимешь ли мечъ?
Сорвешь ли безсильную голову съ плечъ?
Пусть бился онъ съ дикимъ неистовствомъ брани
По градамъ и селамъ пожары простеръ,—
Теперь онъ подъемлетъ молящія длани:
  Убьешь ли? О стыдъ и позоръ!

А если васъ много, убьете ли вы
  Того, кто охваченъ цѣпями,
Кто стоптанный въ прахѣ, молящей главы
  Не смѣетъ поднять передъ вами?

Пусть духъ его черенъ какъ мракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло какъ червь гноевой,
Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ;
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ....
Убьете-ль? О стыдъ и позоръ!

1841 г.

XLIV.

ДАВИДЪ.

Пѣвецъ-пастухъ на подвигъ ратный
Не бралъ ни тяжкаго меча,
Ни шлема, ни брани булатной,
Ни латъ съ Саулова плеча;
Но духомъ Божьимъ осѣненный,
Онъ въ полѣ бралъ кремень простой,—
И падалъ врагъ иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.

И ты, — когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда думъ святыхъ,—
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ.
Доспѣхъ Саула — ей окова,
Сауловъ тягостенъ шеломъ:
Ея оружье — Божье слово,
А Божье слово — Божій громъ!

1844 г.

XLV.

Не говорите: «то былое,
То старина, то грѣхъ отцовъ;
А наше племя молодое
Не знаетъ старыхъ тѣхъ грѣховъ».
Нѣтъ! этотъ грѣхъ — онъ вѣчно съ вами,
Онъ въ васъ, онъ въ жилахъ и крови,
Онъ сросся въ вашими сердцами,—
Сердцами, мертвыми къ любви.
Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
За всѣ грѣхи былыхъ временъ,
За ваши каинскія брани
Еще съ младенческихъ пеленъ;
а слезы страшной той годины,
Когда, враждой упоены,
Вы звали чуждыя дружины
На гибель Русской стороны;
За рабство вѣковому плѣну,
За робость предъ мечомъ Литвы,

За Новградъ и его измѣну,
За двоедушіе Москвы;
За стыдъ и скорбь святой царицы,
За узаконенный развратъ,
За грѣхъ царя-святоубійцы,
За разоренный Новоградъ;
За клевету на Годунова,
За смерть и стыдъ его дѣтей,
За Тушино, за Ляпунова,
За пьянство бѣшеныхъ страстей;
За слѣпоту, за злодѣянья,
За сонъ умовъ, за хладъ сердецъ,
За гордость темнаго незнанья,
За плѣнъ народа; наконецъ,
За то, что, полные томленья,
Въ слѣпой терзанія тоскѣ,
Пошли просить вы исцѣленья
Не у Того, въ Его-жь рукѣ
И блескъ побѣдъ, и счастье мира,
И огнь любви, и свѣтъ умовъ,—
Но у бездушнаго кумира,
У мертвыхъ и слѣпыхъ боговъ!
И обуявъ въ чаду гордыни,
Хмѣльные мудростью земной,
Вы отреклись отъ всей святыни,
Отъ сердца стороны родной!

За все, за всякія страданья,
За всякій попранный законъ,
За темныя отцовъ дѣянья,
За темный грѣхъ своихъ временъ,
За всѣ бѣды роднаго края,—
Предъ Богомъ благости и силъ,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ!

1846 г.

XLIV.

ВЪ АЛЬБОМЪ В. В. ГАНКѢ. *)

«Когда-то я просилъ Бога о Россіи и говорилъ:

«Не дай ей рабскаго смиренья,
Не дай ей гордости слѣпой,
И духъ мертвящій, духъ сомнѣнья
Въ ней духомъ жизни успокой».

Эта же молитва у меня для всѣхъ Славянъ. Если не будетъ сомнѣнья въ насъ, то будетъ успѣхъ. Сила въ насъ будетъ, только бы не забывалось братство. Что я это могъ записать въ книгѣ вашей, будетъ мнѣ всегда помниться, какъ истинное счастіе.

А. Хомяковъ.

Прага, 1847 года,
19 іюля.

*) Вся эта страница выписана изъ альбома покойнаго В. В. Ганки. Приведенное здѣсь четверостишіе составляетъ, можетъ-быть, отрывокъ изъ цѣлой, къ сожалѣнію не отысканной піэсы.

XLVII

Беззвѣздная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя подъ окномъ;
О Прагѣ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагѣ мечталъ, забываяся сномъ.

Мнѣ снилось — лечу я: орелъ сизокрылой
Давно и давно бы въ полетѣ отсталъ,
А я, увлекаемъ невидимой силой,
Все выше и выше взлеталъ.

И съ неба картину я зрѣлъ величаву:
Въ убранствѣ и блескѣ весь Западный край,
Мораву, и Лабу, и дальнюю Саву,
Гремящій и синій Дунай.

И Прагу я видѣлъ, и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петчинѣ храмъ,
Молитва славянская громко звучала
Въ напѣвахъ, знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ.

И въ старой одеждѣ Святаго Кирилла
Епископъ на Петчинъ всходилъ,
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ.

И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на Западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай.

1847 г.

XLVIII.

КЪ И. В. КИРѢЕВСКОМУ.

Ты сказалъ намъ: «За волною
Вашихъ мысленныхъ морей —
Есть земля: надъ той землею
Блещетъ дивной красотою
Новой мысли Эмпирей.»

Распусти-жь свой парусъ бѣлый —
Лебединое крыло, —
И стремися въ тѣ предѣлы,
Гдѣ тебѣ, нашъ путникъ смѣлый,
Солнце новое взошло!

И съ богатствомъ многоцѣннымъ
Возвратившись снова къ намъ,
Дай покой душамъ смятеннымъ,
Крѣпость волямъ утомленнымъ,
Пищу алчущимъ сердцамъ!

1848 г.

XLIX.

НАДПИСЬ КЪ КАРТИНѢ.

(Ангелъ спасаетъ двѣ души отъ сатаны.)

Я видалъ, какъ посланникъ рая
Двѣ души въ небо уносилъ, —
И та прекрасна, и другая,
Но образъ ихъ различенъ былъ:

Одна небесъ не забывала,
Но и земное все познала, —
И пыль земли на ней легла;

Другая чуть земли коснулась
И отъ земли ужь отвернулась,
И для безсмертья сберега
Всю прелесть юнаго чела.

1848 г.

L.

СЕРБСКАЯ ПѢСНЯ.

Гаснетъ мѣсяцъ на Стамбулѣ,
Всходитъ солнышко свѣтло,
У Маджаръ и Турки злова
Никнетъ гордое чело.

Спишь ли ты, нашъ королевичъ?
Посмотри-ка, твой народъ
Расходился, словно волны,
Чтò ломаютъ вешній ледъ!

Спишь ли, спишь ли, королевичъ?
Посмотри-ка, въ чьихъ рукахъ
Блещутъ копья и пищали
На Дунайскихъ берегахъ.

Слушай! трубы загремѣли,
Бьетъ въ раскатахъ барабанъ,
Сербы съ горъ текутъ, какъ рѣки,
Кроютъ поле, какъ туманъ.

Просыпайся, королевичъ!
Знать великій часъ насталъ:
У твоей могилы темной
Богатырскій конь заржалъ....

1849 г.

LI.

КРЕМЛЕВСКАЯ ЗАУТРЕНЯ НА ПАСХУ.

Въ безмолвіи, подъ ризою ночною,
Москва ждала, и часъ святой насталъ:
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя, затрепеталъ.
Пѣвучіе, серебряные громы
Сказали вѣсть святаго торжества,
И слыша гласъ, ея душѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Все тотъ же онъ: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ, и, вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поётъ,—
Побѣды пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна!
Мы слушаемъ; но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются-ль упрямыя колѣна?

Смиряются-ль кичливые умы?
Откроемъ ли радушныя объятья
Для страждущихъ, для меньшей братьи всей?
Хоть вспомнимъ ли, что это слово—братья—
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

1849 г.

~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~

LII.

НАВУХОДОНОСОРЪ.

Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!

Вавилона царь суровый
Былъ богатъ и былъ силенъ;
Въ неразрывныя оковы
Заковалъ онъ нашъ Сіонъ.

Онъ губилъ ожесточенно
Наши вѣчныя права:
Слово — Божій даръ священный,
Разумъ—лучъ отъ Божества.

Милость Бога забывая,
Говорилъ онъ: все творятъ —
Мой булатъ, моя десная,
Царскій умъ мой, царскій взглядъ!

Надъ равнинами Деира
Онъ создалъ себѣ кумиръ,
И у ногъ сего кумира
Пировалъ безбожный пиръ.

Но отмстилъ ему Іегова!
Казнью жизнь ему сама:
Бродитъ нѣмъ губитель слова,
Тра̀ву щиплетъ врагъ ума!

Какъ работникъ подъяремный,
Безсловесный, глупый волъ,
Не глядя на міръ надземный,
Онъ обходитъ злачный долъ!...

Ты скажи намъ, царь надменный,
Живъ ли Мстящій за Сіонъ?...
Но покайся, но смиренно
Полюби Его законъ,

Духъ свободы, святость слова,
Святость мысленныхъ даровъ,
И проститъ тебя Іегова:
Отъ невидимыхъ оковъ

Снова на престолъ великій
Возведетъ тебя царемъ,
И земной вѣнецъ владыки
Освятитъ Своимъ вѣнцомъ!.....

Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!

1849 г.

LIII.

«Мы — родъ избранный», говорили
Сіона дѣти въ старину, —
«Намъ Божьи громы осушили
«Морей волнистыхъ глубину.

«Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
«Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
«И дымъ и огнь, какъ Божье знамя,
«Въ пустыняхъ намъ казали путь.

«Намъ камень лилъ воды потоки,
«Дождили манной небеса;
«Для насъ законъ, у насъ пророки,
«Въ насъ Божьей силы чудеса!»

Не терпитъ Богъ людской гордыни,
Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:
«Мы — соль земли, мы — столбъ святыни,
«Мы — Божій мечъ, мы — Божій щитъ!»

Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ,
И, мертвенный сосудъ живаго,
Душою мертвъ и спитъ умомъ.

Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиромъ не творилъ.

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свобод
Ему возноситъ фиміамъ:
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный миръ, въ Господень храмъ!

1851 г.

LIV.

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЬ.

Солнце сокрылось, дымятся долины;
Медленно сходятъ къ ночлегу стада:
Чуть шевелятся лѣсныя вершины;
Чуть шевелится вода.

Вѣтеръ приноситъ прохладу ночную,
Тихою славой горятъ небеса.
Братья! оставимъ работу дневную,
Въ пѣсни сольемъ голоса:

«Ночь на восходѣ съ вечерней звѣздою;
«Тихо сіяетъ струей золотою
«Западный край.
«Господи! путь нашъ межъ камней и терній,
«Путь нашъ во мракѣ: Ты—свѣтъ невечерній —
«Насъ осіяй!

«Въ мглѣ полунощной, въ полуденномъ знοѣ,
«Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
«Въ тяжкой борьбѣ—
«Всюду сіяніе солнца Святаго,
«Божія Мудрость и Сила и Слово....
«Слава Тебѣ!»

1852 г.

LV.

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, Чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва!

Вспомнимъ: мы—родные братья,
Дѣти матери одной,
Братьямъ—братскія объятья,
Къ груди грудь, рука съ рукой!

Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ;
Не скорби—кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ!

Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь!

Пронесется мракъ ненастный,
И ожиданный давно
Возсіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ за одно:

Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ — побѣдный строй,
Полны мыслью благородной,
Крѣпки вѣрою одной!

1852 г.

LVI.

ВОСКРЕСЕНІЕ ЛАЗАРЯ.

О Царь и Богъ мой! Слово силы
Во время оно Ты сказалъ, —
И сокрушенъ былъ плѣнъ могилы,
И Лазарь ожилъ и возсталъ.
Молю, да слово силы грянетъ,
Да скажешь: «встань!» душѣ моей,—
И мертвая изъ гроба встанетъ,
И выйдетъ въ свѣтъ Твоихъ лучей!
И оживетъ, и величавый
Ея хвалы раздастся гласъ,
Тебѣ—сіянью Отчей славы,
Тебѣ—умершему за насъ!

1853 г.

LVII.

ЗВѢЗДЫ.

Въ часъ полночный, близь потока,
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.
Ночи вѣчныя лампады
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.
Но вникайся въ нихъ очами—
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звѣздами,
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.
Вновь вглядись— и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.

Въ часъ полночнаго молчанья,
Отогнавъ обманы сновъ,
Ты вглядись душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ, —
И въ объемѣ книги тѣсной
Развернется предъ тобой
Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.
Узришь—звѣзды мыслей водятъ
Тайный хоръ свой вкругъ земли,
Вновь вглядись—другія всходятъ,
Вновь вглядись—и тамъ, вдали,
Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

1853 г.

LVIII.

Вставайте! Оковы распались,
Проржавѣла старая цѣпь!
Ужь Нилъ и Ливанъ взволновались,
Проснулась Сирійская степь!

Вставайте, славянскіе братья,
Болгаринъ, и Сербъ, и Хорватъ!
Скорѣе другъ къ другу въ объятья,
Скорѣй за отцовскій булатъ!

Скажите: «намъ въ старые годы
«Въ наслѣдство Господь даровалъ
«И степи, и быстрыя воды,
«И лѣсъ, и ущелія скалъ!»

Скажите: «мы люди свободны, —
«Да будетъ свободна земля,
«И горы, и глуби подводны,
«И долы, и лѣсъ, и поля!

«Мы вольны, мы къ битвѣ готовы,
«И подвигъ нашъ честенъ и святъ:
«Намъ Богъ разрываетъ оковы,
«Намъ Богъ закаляетъ булатъ!»

Смотрите, какъ мракъ убѣгаетъ,
Какъ мѣсяцъ двурогій угасъ!
Смотрите, какъ небо сіяетъ
Въ торжественный утренній часъ!

Какъ ярки и радости полны
Свѣтила грядущихъ вѣковъ!...
Вскипите-жь, славянскія волны!
Проснитеся, гнѣзда орловъ!

1853 г.

LIX.

Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ!
Цѣлый міръ кругомъ храпитъ,
А отъ думъ неугомонныхъ
Вашъ тревожный умъ не спитъ.

Бродитъ, ищетъ, рѣчь заводитъ
Съ тѣмъ, съ другимъ: все прока нѣтъ!
Тотъ глазами чуть поводитъ,
Тотъ сквозь сонъ кивнетъ отвѣтъ.

Вотъ, оставивъ братьевъ спящихъ,
Вы ведете въ тьмѣ ночной,
Не смыкая вѣждъ горящихъ,
Думу долгую съ собой.

И надумались; и снова
Мысли бурныя кипятъ,
Будите того, другаго....
Всѣ киваютъ и молчатъ.

Вы волнуетесь, горите,
Въ сердцѣ горечь, въ слухѣ звонъ....
А кругомъ-то поглядите,
Какъ отраденъ мирный сонъ!

Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ!
Ужь не лучше ли заснуть,
И отъ думъ неугомонныхъ
Хоть на время отдохнуть?

1853 г.

LX.

Какъ часто во мнѣ пробуждалась
Душа отъ лѣниваго сна,
Просилася людямъ и братьямъ
Сказаться словами она!

Какъ часто, о Боже, рвалася
Вѣщать Твою волю землѣ,
Да свѣтъ осіяетъ разумный
Безумцевъ, бродящихъ во мглѣ!

Какъ часто безсильемъ томимый,
Съ глубокой и тяжкой тоской,
Молилъ Тебя дать имъ пророка
Съ горячей и крѣпкой душой!

Молилъ Тебя, въ часъ полуночи,
Пророку дать силу рѣчей,
Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко
Глаголами правды Твоей!

Молилъ Тебя съ плачемъ и стономъ,
Во прахѣ простертъ предъ Тобой,
Дать міру и уши и сердце
Для слушанья рѣчи святой!

1854 г.

〰〰〰

LXI.

СУДЪ БОЖІЙ

Гласъ Божій: «Сбирайтесь на праведный судъ,
«Сбирайтесь къ Востоку народы!»
И слѣпо свершая назначенный трудъ,
Народы земными путями текутъ,
Спѣшатъ черезъ бурныя воды.

Спѣшатъ, и кровавый предчувствуя споръ,
Смятенья, волненія полны,
Сбираются,—грозный, гремящій соборъ,—
На Черное море, на синій Босфоръ,—
И ропщутъ и пѣнятся волны.

Чреваты громами, крылаты огнемъ,
Несутся суда—и надъ ними:
Двуглавый орелъ съ одноглавымъ орломъ,
И скачущій левъ съ однорогимъ конемъ,
И флагъ подъ звѣздами ночными.

Гласъ Божій: «сбирайтесь изъ дальнихъ сторонъ!
«Великое время приспѣло
«Для тризны кровавой, большихъ похоронъ:
«Мой судъ совершится, мой часъ положенъ,—
«Въ сраженье бросайтеся смѣло!

«За вѣру безвѣрную, лесть и развратъ,
«За гордость Царьграда слѣпую—
«Отману я далъ сокрушительный млатъ,
«Громовыя стрѣлы и острый булатъ,
«И силу коварную, злую.

«Грозою для міра былъ страшный боецъ,
«Былъ карой Восточному краю:
«Но слышу я стоны смиренныхъ сердецъ,
«И ломаю престолъ, и срываю вѣнецъ,
«И бичъ вѣковой сокрушаю!»

Народы собрались изъ дальнихъ сторонъ:
Волнуются берегъ и море,
Безумной борьбою весь міръ потрясенъ,
И стонъ надъ землею, и на́ морѣ стонъ,
И плачъ и кровавое горе.

Твой судъ совершится въ огнѣ и крови:
Свершатъ его слѣпо народы....

О Боже, прости ихъ и всѣхъ призови!
Исполни ихъ вѣры и братской любви,
Согрѣй ихъ дыханьемъ свободы!

Мартъ 1854 г.

LXII.

РОССІИ.

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, буйныхъ силъ.

Вставай, страна моя родная,
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная—
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго,—
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой черной,
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!

Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли!

И встань потомъ, вѣрна призванью,
И бросься въ пылъ кровавыхъ сѣчъ!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечомъ — то Божій мечъ!

Мартъ 1854 г.

LXIII.

РАСКАЯВШЕЙСЯ РОССІИ.

Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой;
Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты.

О, Русь моя! какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Идешь на Божескій призывъ!
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сіяньи новомъ и святомъ!

Иди! Тебя зовутъ народы,
И совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!
Иди! Свѣтла твоя дорога:
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ,
Грозна, прекрасна — Ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ челомъ!

1854 г.

LXIV.

НОЧЬ.

Спáла ночь съ померкшей вышины,
Въ небѣ сумракъ, надъ землею тѣни,
И подъ кровомъ темной тишины
Ходитъ сонмъ обманчивыхъ видѣній.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Освяти молитвой часъ полночи!
Божьи духи землю сторожатъ,
Звѣзды свѣтятъ, словно Божьи очи.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Разорви ночныхъ обмановъ сѣти!
Въ городахъ къ заутрени звонятъ,
Въ Божью церковь идутъ Божьи дѣти.

Помолися о себѣ, о всѣхъ,
Для кого тяжка земная битва, —

О рабахъ безсмысленныхъ утѣхъ!...
Вѣрь, для всѣхъ нужна твоя молитва.

Ты вставай, во mракѣ спящій братъ!
Пусть зажжется духъ твой пробуждённый,
Такъ какъ звѣзды на небѣ горятъ,
Какъ горитъ лампада предъ иконой.

1854 г.

LXV.

26 АВГУСТА 1856 ГОДА.

Народомъ полонъ Кремль великій,
Народомъ движется Москва,
И слышны радостные клики,
И звонъ и громы торжества.

Нашъ Царь въ стѣнахъ издревле славныхъ,
Среди ликующихъ сердецъ,
Пріялъ вѣнецъ отцовъ державныхъ,—
Царя-избранника вѣнецъ.

Ему Господь роднаго края
Вручилъ грядущую судьбу;
И Русь, его благословляя,
Вооружаетъ на борьбу.

Его елеемъ помазуетъ
Она живыхъ своихъ молитвъ,
Да силу Богъ ему даруетъ
Для жизненныхъ, для царскихъ битвъ.

И преклоненны у подножья
Молитвеннаго алтаря,
Мы вѣримъ: будетъ милость Божья
На православнаго Царя:

И дастъ Всевышній даръ познанья,
И ясность мысленнымъ очамъ,
И въ сердце крѣпость упованья,
Несокрушимую бѣдамъ.

И вѣримъ мы, и вѣрить будемъ,
Что дастъ Онъ даръ—вѣнецъ дарамъ, —
Даръ братолюбья къ братьямъ-людямъ,
Любовь отца къ своимъ сынамъ;

И дастъ года Онъ яркой славы,
Побѣду въ подвигахъ войны,
И средь прославленной державы
Года цвѣтущей тишины....

А ты, въ смиреніи глубокомъ
Вѣнца пріявшій тяготу,
О, охраняй неспящимъ окомъ
Души безсмертной красоту!

1856 г.

LXVI.

ПО ПРОЧТЕНІИ ПСАЛМА.

Земля трепещетъ; по эѳиру
Катится громъ изъ края въ край.
То Божій гласъ; онъ судитъ міру:
«Израиль, Мой народъ, внимай!

Израиль! ты Мнѣ строишь храмы;
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся ѳиміамы,
И день и ночь огни горятъ.

Къ чему Мнѣ вашихъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды,
Я небо очертилъ рукой!

Хочу— и словомъ расширяю
Предѣлъ безвѣстныхъ вамъ чудесъ,
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.

Къ чему Мнѣ злато? Въ глубь земную,
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ,
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ:

Онъ тамъ кипитъ и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины,
А ваши серебро и злато
Лишь всплескъ той пламенной волны.

Къ чему куренья? Предо Мною
Земля, со всѣхъ своихъ концовъ,
Кадитъ дыханьемъ подъ росою
Благоухающихъ цвѣтовъ.

Къ чему огни? Не Я-ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я-ль, какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?

Твой скуденъ даръ.—Есть даръ безцѣнный,
Даръ нужный Богу твоему;

Ты съ нимъ явись, и, примиренный,
А всѣ дары твои приму:

Мнѣ нужно сердце чище злата,
И воля крѣпкая въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна Мнѣ правда на судѣ!...»

1857 г.

LXVII.

Широка, необозрима,
Чудной радости полна,
Изъ воротъ Іерусалима
Шла народная волна.
Галилейская дорога
Оглашалась торжествомъ:
«Ты идешь во имя Бога,
«Ты идешь въ свой царскій домъ!
«Честь тебѣ, нашъ царь смиренный,
«Честь тебѣ, Давидовъ сынъ!»
Такъ, внезапно вдохновенный,
Пѣлъ народъ. Но тамъ одинъ,
Недвижимъ въ толпѣ подвижной,
Школъ воспитанникъ сѣдой,
Гордый мудростію книжной,
Говорилъ съ насмѣшкой злой:
«Это-ль царь вашъ, слабый, блѣдный,
«Рыбаками окруженъ?

«Для чего онъ въ ризѣ бѣдной,
«И зачѣмъ не мчится онъ,
«Силу Божью обличая,
«Весь одѣянъ черной мглой,
«Пламенѣя и сверкая
«Надъ трепещущей землей?.....»

И вѣка пошли чредою,
И Давидовъ сынъ съ тѣхъ поръ,
Тайно правя ихъ судьбою,
Усмиряя буйный споръ,
Налагая на волненье
Цѣпь любовной тишины,
Міръ живитъ, какъ дуновенье
Наступающей весны.
И въ трудахъ борьбы великой
Имъ согрѣтыя сердца
Узнаютъ шаги владыки,
Слышатъ сладкій зовъ отца.
Но въ своемъ невѣрьи твердый,
Неисцѣльно ослѣпленъ,
Все, какъ прежде, книжникъ гордый
Говоритъ: «Да гдѣ же онъ?
«И зачѣмъ въ борьбѣ смятенной
«Историческаго дня,
«Онъ проходитъ такъ смиренно,

«Такъ незримо для меня,
«А нейдетъ какъ буря злая,
«Весь одѣянъ черной мглой,
«Пламенѣя и сверкая
«Надъ трепещущей землей?...»

1858 г.

LXVIII.

ТРУЖЕНИКЪ.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра, до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою....
Я утомленъ, я утомленъ!

Пора на отдыхъ. О, дубравы!
О, тишина полей и водъ!
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю!

Стереть бы потъ дневнаго зноя!
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!....
«Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди,—
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога,
Господь велитъ: иди, иди!

Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты:
Сгибайся-жь, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы!»—

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ,
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!

Иду свершать, въ трудѣ и потѣ,
Удѣлъ, назначенный Тобой,

И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего.

1858 г.

LXIX.

БЛАГОЧЕСТИВОМУ МЕЦЕНАТУ.

О, мудрый другъ! отъ странъ полночи,
Съ прибрежья царственной Невы,
Ты кротко обращаешь очи
На наши темныя главы;
Ты кубокъ роскоши лѣнивой
Испилъ до дна; но ты-жь подчасъ
Рѣчами ласки не брезгливой
На подвигъ поощряешь насъ.
Мудрецъ, съ улыбкой благосклонной,
За чашей хвалишь круговой
Нашъ строгій постъ, нашъ трудъ безсонный,
Плебейской вѣры бытъ простой.
Прими-жь привѣтъ отъ черни тёмной
Тобою взысканныхъ людей
И приношенье дани скромной
Ихъ благодарственныхъ рѣчей.

Прими мольбу: твоей лазури,
Твоихъ безоблачныхъ высотъ
Да не смущаютъ крылья бури
И мракъ житейскихъ непогодъ!
Да мысль желѣзною рукою
Твоей главы не тяготитъ,
И вѣчной да цвѣтетъ весною
Румяный пухъ твоихъ ланитъ!

1858 г.

LXX.

ПО ПОВОДУ КАРТИНЫ ИВАНОВА.

Счастлива мысль, которой не свѣтила
Людской молвы привѣтная весна,—
Безвременно рядиться не спѣшила
Въ листы и цвѣтъ ея младая сила,
Но корнемъ въ глубь врывалася она.

И ранними и поздними дождями
Вспоенная, внезапно къ небесамъ
Она взойдетъ, какъ ночь темна вѣтвями,
Какъ ночь въ звѣздахъ, осыпана цвѣтами,
Краса землѣ и будущимъ вѣкамъ!

1858 г.

LXXI

Парусъ поднятъ: вѣтра полный,
Онъ канаты натянулъ
И на ропщущія волны
Мачту длинную нагнулъ

Парусъ русскій!... Черезъ волны
Ужь корабль несется самъ,
И готовъ всѣхъ братьевъ челны
Прицѣпить къ крутымъ бокамъ.

Поднятъ флагъ: на флагѣ виденъ
Правды судъ и миръ любви.
Мчись, корабль! твой путь завиденъ..
Господи, благослови!

Напечат. въ 1 № газ. «Парусъ»,
1859 г. янв. 3-го.

LXXII.

Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ,—
Высшій подвигъ въ терпѣньи,
Любви и мольбѣ.

Если сердце заныло
Передъ злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цѣпью стальной;
Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились,—
Съ вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись:
Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ,
Безъ труда, безъ усилья,
Выше мраковъ земныхъ,—
Выше крыши темницы,
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людской!

1859 г.

LXXIII.

Поле мертвыми костями
Все бѣлѣлося кругомъ;
Вѣтеръ билъ его крылами,
Солнце жгло его огнемъ.

Ты, пророкъ, могучимъ словомъ
Поле мертвое воздвигъ:
И одѣлись плотью кости,
И возсталъ соборъ великъ.

Но не полно возрожденье;
Жизнь проснулась не сполна;
Всѣхъ оковъ земнаго тлѣнья
Не осилила она.

И въ соборѣ томъ великомъ
Ухо чуткое порой
Слышитъ подъ румяной плотью
Кости щелканье сухой....

О, чужія тайны зная,
Ты, пѣвецъ, спроси себя:
Не звенитъ ли кость сухая
Въ пѣсняхъ, въ жизни у тебя?...

1859 г.

LXXIV.

СПИ!

Днемъ наигравшись, натѣшившись, къ ночи забылся
ты сномъ;
Спи, улыбаясь, малютка: весенняго утра лучемъ
Жизнь молодая, играя, блеститъ въ сновидѣньѣ твоемъ.
Спи!

Труженикъ, въ горести, въ радости, путь ты свершаешь
земной;
Утромъ отмѣренный къ вечеру конченъ твой подвигъ
дневной:
Что-нибудь начато, что-нибудь сдѣлано,—купленъ твой
отдыхъ ночной.
Спи!

Съ свѣтлымъ лицомъ засыпаешь ты, старецъ, трудомъ утомленъ;
Видно, какъ въ ночь погружается жизни земной небосклонъ:
Дня замогильнаго первымъ сіяньемъ ужь твой озаряется сонъ.

Спи!

1859 г.

LXXV.

Помнишь, по стезѣ нагорной,
Шли мы лѣтомъ: солнце жгло,
А полнеба тучей черной
Съ полудёнъ заволокло;
По стезѣ песокъ горючій
Ноги путниковъ сжигалъ,
А изъ тучи вихрь летучій
Капли крупныя срывалъ.

Быть громамъ и быть ударамъ!
Быть сверканью въ облакахъ,
И ручьямъ по крутоярамъ,
И потопамъ на лугахъ!
Быть грозѣ! Но буря злая
Скоро силы истощитъ,
И сіяя, золотая
Зорька въ небѣ погоритъ;

И въ объятья кроткой ночи
Передастъ покой земли,
Чтобы зорко звѣздны очи
Сонъ усталой стерегли;

Чтобъ съ востока, утромъ рано,
Загораясь въ небесахъ,
Свѣтъ румяный зрѣлъ поляны,
Всѣ въ росинкахъ и цвѣтахъ.

И теперь, съ полудня темной
Тучей кроетъ небеса,
И за тишью вѣроломной
Притаплася гроза.
Гулъ растетъ, какъ въ спящемъ морѣ
Передъ бурей роковой;
Вскорѣ, вскорѣ въ бранномъ спорѣ
Закипитъ весь міръ земной:

Чтобъ страданьями—свободы
Покупалась благодать,
Чтобъ готовились народы
Зову истины внимать;
Чтобы гласъ ея пророка
Могъ проникнуть въ духъ людей,
Какъ глубоко лучъ съ востока
Грѣетъ влажный тукъ полей.

1859 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

